

Шэнь Яо проснулся в тот самый миг, когда Сюй Ибай поднялся с постели. Глаз он открывать не стал, как и подавать виду, что бодрствует — лишь тихонько перевернулся, натянул одеяло повыше и замер.

Шорохи в комнате, и без того едва различимые, сделались совсем невесомыми.

Шэнь Яо лежал с закрытыми глазами, хотя сон давно улетучился. Спальня находилась на втором этаже, и звуки снизу сюда почти не долетали. Помедлив в тёплой постели и рассудив, что Ибай уже наверняка ушёл, он наконец не спеша выбрался из-под одеяла.

После нескольких бессонных ночей это утро наконец принесло долгожданную лёгкость. Шэнь Яо проснулся в прекрасном расположении духа.

Возвращаться к вчерашнему костюму не хотелось. Заглянув в гардероб, он выудил вещи, которые Ибай приготовил для него, и переоделся.

Подойдя к перилам второго этажа, Шэнь Яо заглянул вниз. Как он и думал — внизу не было ни души.

Ибай обожал идеальный порядок: каждая мелочь лежала на своём строго отведённом месте, в точности так же, как во время прошлого визита Шэнь Яо.

Тогда Шэнь Яо стоял здесь же, совершенно беззастенчиво подслушивая его телефонный разговор.

Слова собеседника на том конце провода разобрать не удавалось, но по ответам Ибая нетрудно было воссоздать картину.

— Хватит просить родителей подыскивать мне омегу... Я не вернусь. И у меня действительно есть парень, разве ты не знаешь?

После короткой паузы Ибай, поджав губы, раздражённо добавил:

— Мы не расстались. И даже не ссорились. У нас всё прекрасно.

В его голосе звучала упрямая убежденность:

— Яояо только окончил университет. Как только он согласится, я привезу его домой.

— Всё, мне некогда, — очевидно, разговор шёл натянуто. — Он не играет со мной. И дело вовсе не в деньгах или статусе. Он со мной просто потому, что любит меня. Мы поженимся.

Ибай так и не узнал, что этот разговор перестал быть тайной: к моменту его возвращения в спальню Шэнь Яо успел принять безмятежный спящий вид.

Спустившись по лестнице, Шэнь Яо выудил из кармана вчерашнего пиджака входной билет, а со стола взял блокнот и ручку Ибая.

Занеся ручку над бумагой, он задумчиво прикусил колпачок, а затем, заговорщицки улыбнувшись, быстро набросал три фразы, которые уже сложились в голове.

Он не сомневался — Ибаю понравится.

Закончив писать, он отложил ручку, прикрыл за собой дверь и вышел на улицу.

Ибай действительно ни в чём не был виноват. Просто их отношения слишком затянулись. Будет лучше, если они застынут прямо сейчас, оставшись в памяти прекрасным, ускользающим сном.

Вечернее сольное выступление обещало стать главным событием сезона, но репетиция начиналась лишь в девять утра. На часах едва перевалило за семь, а дорога от дома Ибая до Большого театра занимала от силы минут двадцать.

Времени у Шэнь Яо было предостаточно, но его уже ждали в другом месте.

В столь ранний час в кофейне было безлюдно. Заспанный бариста лениво протирал стойку, борясь с зевотой и мысленно проклиная полуночников, которые умудрились притащиться сюда на самом рассвете.

Звякнул колокольчик на двери, впуская прохладный воздух и невероятно изящного омегу. Бариста замер с тряпкой в руке, разглядывая вошедшего, и его недовольство ранней сменой мгновенно испарилось.

Шэнь Яо уверенным шагом направился к столику в углу. Выдвинув стул, он устроился напротив своего собеседника и непринуждённо поинтересовался:

— Ну и как? Ты вообще не ложился или уже успел продрать глаза?

Сидевший напротив него Гао Вэньвань поднял утомлённый взгляд и выдавил вымученную улыбку:

— Три часа сна. Жить буду.

Шэнь Яо с пониманием кивнул, сделал глоток заранее заказанного для него кофе и с облегчением выдохнул:

— Вот и славно.

Их союз с Гао Вэньванем держался на чистом расчёте — связи одновременно прочной и пугающе хрупкой. Как бы этот избитый образ ни претил Шэнь Яо, отрицать очевидное глупо: они были повязаны одной верёвочкой.

Случись что с Вэньванем, у Шэнь Яо прибавилось бы головной боли.

На вчерашнем приёме Вэньвань добросовестно отыгрывал роль забитого, послушного бастарда.

Забившись в самый тёмный угол, он лишь на секунду перехватил взгляд Шэнь Яо и едва заметно салютовал ему бокалом.

— Слушай, альф, которых твой дражайший дядюшка всерьёз побаивается, не так уж много, — заговорил Вэньвань, лениво помешивая ложечкой пенку. — Но из всего этого разнообразия ты ухитрился выбрать именно Янь Чжисина. С ним же сладу не найти! Я видел его вчера — сидит с таким высокомерным видом, будто у него вообще напрочь отсутствует либидо.

— Что поделать, — Шэнь Яо откусил кусочек сэндвича и невинно пожал плечами. — Я падок на красивых альф.

И Сюй Ибай, и его первая любовь — при всей разнице характеров и повадок — были безупречно, вызываясь красивы.

Янь Чжисин не уступал им ни в чём.

— Окажись я в постели с каким-нибудь уродом... — Шэнь Яо поморщился. — Меня бы просто наизнанку вывернуло от омерзения.

Гао Вэньвань издал короткий смешок, полный яда:

— На кону твоя жизнь, а ты всё ещё перебираешь обёртки?

Шэнь Яо поднял голову и посмотрел в окно на спешащих прохожих. В его голосе зазвучало мягкое, почти детское недоумение:

— А если меня не станет, тебе-то какая выгода?

Он всегда вёл себя так. Пытаться вывести его из равновесия криками или пассивной агрессией было бесполезно. Он никогда не повышал голос.

Но его тихие ответные вопросы неизменно били точно под дых.

Вэньвань помрачнел, растеряв весь свой задор, и бездумно уставился в чашку.

— Если Шэнь Фулинь так жаждет за счёт тебя выслужиться перед сильными мира сего, почему просто не устроить династический брак, как это принято у нормальных людей? — раздражённо спросил Вэньвань. — Я-то думал, это меня в следующем году запакуют в свадебную коробку и отправят первому встречному альфе, и это предел несчастья. Но твоя участь, похоже, куда паршивее.

Обычно он не совал нос в чужие дела, но сейчас не удержался:

— Официальный брак связал бы вас куда более прочными узами. Зачем Шэнь Фулиню этот...

«Зачем превращать тебя в игрушку для утешения нужных людей?»

Именно из-за этих безумных планов дяди Шэнь Яо лихорадочно искал того, кто сможет стать его щитом.

— Вэньвань, — мягко прервал его Шэнь Яо, — ты так печёшься обо мне. Неужели тоже влюбился?

Вэньвань понял, что перешагнул черту. Ему не следовало лезть Шэнь Яо в душу. Выдержав долгую паузу, он сухо произнёс:

— Передвижения Янь Чжисина держатся в строжайшем секрете. Мне удалось узнать лишь то, что после возвращения из-за границы он зачастил в Павильон Скрытой Орхидеи.

При упоминании этого заведения Шэнь Яо брезгливо нахмурился. С глухим хрустом расколов зубами кубик льда, он бросил:

— Ясно.

Пора было идти. Шэнь Яо взял со стола чек и поднялся.

Но Вэньвань удержал его за рукав:

— Погоди. Как всё прошло тогда, наверху? Рыбка клюнула на крючок?

Шэнь Яо улыбнулся так ослепительно-прекрасно, что даже Вэньвань, омега, невольно сглотнул от нахлынувшего смущения.

Но в следующее мгновение улыбка увяла, сменившись ледяным равнодушием:

— Он смотрит на меня как на грязь под ногами.

Он ушёл, даже не попрощавшись. Вэньвань долго смотрел ему вслед, проваливаясь в воспоминания.

Впервые они встретились в саду усадьбы Гао.

Вэньваня, незаконнорождённого ребёнка, признали и забрали в семью только потому, что он родился омегой. Будучи совсем маленьким и ничего не понимающим мальчиком, он уже тогда ловил на себе полные пренебрежения взгляды прислуги и родственников. Ему быстро дали понять, что он здесь лишний.

Старшие сводные братья и сёстры постоянно таскали его за собой на детские сборища золотой молодёжи. Для избалованных барчуков забитый бастард был кем-то вроде безголосой игрушки, которую можно безнаказанно пинать и заставлять выполнять любые прихоти.

Рыдая под одеялом, он звонил матери и умолял забрать его домой, но в ответ слышал лишь резкие, холодные приказы терпеть и ни в коем случае не злить господ.

Со временем он уяснил: покорность — единственный способ выжить.

Мальчишкам вроде Дай Синхуэя тогда было лет по пять — самый разгар неумной детской жестокости. Зашвырнув мяч на другой конец огромного газона, Синхуэй покровительственно похлопал Вэньваня по голове и свистнул, точно призывая собачонку:

— Апорт! Беги принеси!

Вэньвань, давясь слезами и шумно дыша, покорно припустил за улетающим мячом под издевательский хохот за спиной.

Мяч улетел далеко. Вэньвань бежал, согнувшись и не сводя с него глаз. Но у самого забора игрушка не остановилась, как обычно, а глухо стукнулась о чьи-то белоснежные туфельки и,

отскочив, покатилаь обратно.

Схватив мяч, Вэньвань испуганно поднял глаза и так и застыл на корточках, приоткрыв рот от удивления.

В густой тени векового раскидистого платана стоял плетёный детский стул. Сидевший на нём маленький омега казался сошедшим со страниц сказки ангелом — с тонкими чертами лица, пухлыми алыми губками и пушистыми, загнутыми кверху ресницами.

Вот только личико этого ангела застыло высокомерной маской. Капризно надутые губы были плотно сжаты. Мальчик выглядел как невероятно избалованный барчук из высшего общества, но играть с остальными детьми он явно не желал. Напротив, он устроился как можно дальше от шума и увлечённо перелистывал страницы лежащей на коленях иллюстрированной книги.

На прилетевший в его ноги мяч он даже не взглянул.

Видимо, назойливый взгляд Вэньваня ему надоел. Омега оторвался от чтения и уставился на незваного гостя огромными, чёрными, как спелый виноград, глазами. И не произнёс ни слова.

Вэньвань от неожиданности шлёпнулся на траву, поспешно подобрал мяч и припустил обратно к своей компании.

Когда он протянул мяч Синхуэю, тот не стал бросать его снова, а со всей силы швырнул прямо Вэньваню в грудь.

Мальчик инстинктивно закрылся руками. Было больно, но он не посмел даже пикнуть.

Синхуэй поднял отскочивший мяч и швырнул его в сторону раскидистого дерева. Но на этот раз он не стал посылать Вэньваня, а сам с весёлым визгом побежал его догонять.

— Чего это Синхуэй опять потащился к Шэнь Яо? — недовольно протянул один из омег, отдалённо похожий на того молчаливого мальчика. — Яояо на него даже не смотрит. Скука смертная.

«Шэнь Яо».

Вэньвань мгновенно запечатлел это имя в памяти.

Стоя поодаль, он жадно прислушивался к сплетням старших детей.

Оказалось, Шэнь Яо вовсе не был немым. Он отлично разговаривал и уже занимался балетом.

Все соседские альфы так и вились вокруг него, таская конфеты и сладости в надежде поиграть вместе.

Но Яоя оставался неприступен. Он демонстративно игнорировал ухаживания, а принесённые подарки брезгливо выбрасывал на глазах у дарителей.

Лишь спустя время, столкнувшись с ним ещё несколько раз, Вэньвань понял, что этот неприступный омега на самом деле обычный нежный ребёнок. Он избегал сверстников просто потому, что они были ему неинтересны. Но стоило родителям Шэнь Яо прийти за ним, как книжка откладывалась в сторону, а сам он с радостным писком бросался к ним, крепко обнимая маму и папу за колени.

Вэньвань как-то раз случайно подслушал, как Яоя, смешно сопя, канючил, выпрашивая, чтобы его взяли на ручки.

Но в один из дней Шэнь Яо исчез. Прошло много времени, прежде чем они встретились снова. Мальчик вытянулся и стал ещё прекраснее, хотя детская припухлость с его щёк безвозвратно ушла, обнажив тонкие, резкие скулы.

Он по-прежнему сидел в уединении, погружённый в чтение. Под подстрекательский свист толпы Дай Синхуэй, сияя от гордости, направился к нему, сжимая в руке дорогую коробку конфет.

Шэнь Яо мазнул по ней безразличным взглядом и привычным, отточенным жестом смахнул подарок на землю.

Очередной публичный позор переполнил чашу терпения Синхуэя. Слыша, как заливаются смехом стоящие позади Ху Шэнсюань и Чжан Сыюй, он побагровел от злости, с силой толкнул Шэнь Яо в плечо и выкрикнул:

— Да твои родители давно сдохли! Ишь какой гордый! Кому ты теперь сдался со своими капризами? Никто тебе больше конфет не купит!

Шэнь Яо покачнулся и едва удержался на стуле. Он вцепился в подлокотники побелевшими пальцами, уставившись на обидчика бешеным, немигающим взглядом.

А в следующий миг он с диким рычанием бросился вперёд. Словно разъярённый волчонок, он мёртвой хваткой вцепился Синхуэю в горло, вкладывая в тонкие детские пальцы всю свою ярость.

Тот захрипел, судорожно суча ногами и пытаясь разжать этот смертельный замок, но Шэнь Яо держал крепко, словно вознамерился задушить его прямо здесь.

Окружающие оцепенели от шока. Лишь через несколько секунд Ху Шэнсюань и Чжан Сыюй опомнились и гурьбой налетели на Шэнь Яо, силой оттаскивая его в сторону.

Тот полетел на траву, сильно ударившись, но даже не поморщился. Не сводя налитых кровью глаз с перепуганного Синхуэя, он упрямо попытался подняться.

Но его руки тут же перехватили и прижали к земле. Разъярённый Синхуэй, у которого на глазах у всех едва не перехватило дыхание, напрочь забыл, что перед ним хрупкий омега. Он подлетел к Шэнь Яо и с размаху ударил его кулаком по лицу.

Тягаться силами с тремя альфами в одиночку было безумием, у Шэнь Яо не оставалось шансов вырваться. Но он не сдался: стиснув зубы, он резко подался вперёд и со всего маху боднул Синхуэя лбом в переносицу.

Послышался глухой стук, брызнула кровь, и толпившиеся вокруг дети в панике бросились врассыпную.

Девчачий визг наконец привлёк внимание взрослых, которые выбежали из дома и растащили дерущихся.

С того дня список изгоев пополнился. Шэнь Яо занял в нём место рядом с Вэньванем.

Правда, зная крутой нрав семьи Шэнь, калечить его альфы всё же побаивались. Всё ограничивалось мелкими пакостями: толкнуть исподтишка, вырвать из рук тетрадь или порвать любимую книгу.

Шэнь Яо больше не ввязывался в драки. Но и пощады от этих ублюдков никогда не просил.

Вэньвань думал, что тот просто смирился, как смирился он сам.

Но однажды всё изменилось. Вэньвань, как обычно, выполнял мелкие поручения старших — тащил охапку чипсов и газировки на пятый этаж особняка. В коридоре было непривычно тихо. Крадучись продвигаясь вперёд, он вдруг уловил приглушённые всхлипы и отчаянные просьбы о помощи.

Он замер у самой последней двери. Пыльная кладовая, куда стаскивали старую сломанную мебель, была заперта. Это крыло дома давно пустовало, и Вэньвань знал, как жутко выглядит эта комната в полумраке — без окон и со сгоревшей проводкой.

Сам он однажды заглянул туда из любопытства и тут же выскочил в слезах, до смерти напуганный гротескными силуэтами сваленных в кучу антикварных вещей. Хриплый плач доносился именно оттуда, из глубин запертого склепа.

Шэнь Яо стоял у самой замочной скважины, невозмутимо поигрывая связкой ключей. Тонкие черты лица, безупречная осанка — он казался фарфоровой куклой, случайно забытой в этом Богом забытом углу.

— Зачем ты это терпишь? — не оборачиваясь, спросил Шэнь Яо. Это были первые слова, которые он адресовал Вэньваню. В его тихом голосе сквозило искреннее непонимание. — Думаешь, если будешь лебезить перед ними, они перестанут тебя пинать?

Пакеты со сладостями со шуршанием посыпались из ослабевших рук Вэньваня. Он стоял посреди коридора, глотая воздух ртом и не в силах вымолвить ни слова.

Половина седьмого вечера

Огромная сцена Большого театра тонула в ярком свете софитов. До начала представления оставалось полчаса, и партер заполнялся медленно, неохотно.

Миновав билетный контроль, Сюй Ибай прошёл к своему месту. Пятый ряд партера — Шэнь Яо выбрал для него лучшие места с идеальным обзором. Два соседних кресла пока пустовали.

Ибай скользнул взглядом по циферблату наручных часов, а затем вновь уставился на закрытый бархатный занавес. На нём был простой, но безупречно сидевший тёмный костюм.

Яоя держал всё в строжайшем секрете: Ибай не имел ни малейшего представления ни о сценических костюмах, ни о хореографии сегодняшнего выступления.

Он попытался мысленно составить образ, основываясь на утончённом вкусе своего омеги, но быстро сдался и лишь тихо рассмеялся собственной беспомощности.

Боковым зрением он уловил движение в проходе. К соседнему ряду кресел приближался высокий, статный альфа, сопровождаемый элегантной дамой-омегой средних лет — судя по поразительному сходству, его матерью.

Светловолосый и голубоглазый альфа в безукоризненном фраке занял пустующее кресло по соседству с Ибаем. Соблюдая вежливую дистанцию, он небрежно опустил руку на подлокотник.

Вся его осанка, напряжённая и властная, выдавала в нём человека, привыкшего находиться скорее за столом жёстких деловых переговоров, нежели в полумраке театральной ложи.